

Тем временем, пока фанаты осыпали подарками и поздравлениями, товарищи по команде демонстрировали свои лучшие номера, чтобы поздравить именинника. Ван Бинъян снова показал свой номер с «грибом», а Лу Сяочуань, притворившись, что видит это впервые, горячо аплодировал. Компания с особой заботой пригласила его младшего брата Лу Сяочжоу, который жил за границей. Лу Сяочуань, родившийся и выросший в Китае, на самом деле не был близок с братом, и, когда Лу Сяочжоу вышел, ему пришлось изобразить удивление, а затем, обнявшись, они замолчали.

Нин Лань оглядел то одного, то другого:

— Вы, братья, так похожи.

Когда зажгли свечи и стали загадывать желания, Лу Сяочжоу протиснулся к Нин Ланю и, наклонившись к его уху, произнес на ломаном китайском:

— Красавчик, давай обменяемся WeChat.

Нин Лань, глядя на его голубовато-серые глаза и коварную улыбку, которые были точь-в-точь как у Лу Сяочуаня, подумал: «они действительно родные братья».

Суй И не любил сладкое и, прислонившись к стене, наблюдал за весельем. Нин Лань отрезал кусок торта и отошел в сторону, чтобы поесть. Лу Сяочжоу услужливо следовал за ним, и, когда он уже собирался вытереть крем, попавший на лицо Нин Ланя, Суй И шагнул вперед и оттянул его:

— Здесь еще могут снимать, повернись и ешь.

Когда Суй И хмурился, вокруг него автоматически возникала аура, отталкивающая посторонних. Лу Сяочжоу, окинув их обоих взглядом, засунул руки в карманы, надул губы и ушел.

Нин Лань послушно повернулся и продолжил есть торт. Закончив, он взял салфетку, которую протянул ему Суй И, вытер рот и тихо сказал:

— Спасибо, капитан.

Суй И, убедившись, что крем с лица Нин Ланя стерт, кивнул и вернулся к толпе.

Пока пели поздравительную песню и задували свечи, торт уже был почти весь разобран, и только тогда появился Фан Юй.

— Извините, дома были дела, опоздал, — сказал он, положив сумку и сначала поприветствовав камеру, а затем поздравив Лу Сяочуаня с днем рождения. После этого он схватился за живот, сказал, что голоден, и начал резать торт.

Лу Сяочуань, видя его небрежное отношение, постепенно терял улыбку, но, подумав, все же решил не сдаваться и намеренно подошел к нему, расхаживая туда-сюда.

Когда трансляция подошла к концу, все попрощались с фанатами, и, как только камеры выключились, Фан Юй продолжил есть торт, полностью игнорируя огромного именинника перед ним.

— Эй, ты куда пропадал? — спросил Лу Сяочуань.

Фан Юй даже не поднял головы:

— Домой.

Лицо Лу Сяочуаня стало еще мрачнее:

— Домой зачем?

— Играть, — ответил Фан Юй, засовывая в рот печенье из коробки рядом.

Лу Сяочуань широко раскрыл глаза:

— Это Лань Лань подарил мне, кто разрешил тебе есть?

Фан Юй проглотил то, что было у него во рту, и, не боясь, поднял на него взгляд:

— Торт я тоже ел, ты его не готовил.

Лу Сяочуань был в ярости. С самого утра он ждал, а в итоге получил лишь небрежное «с днем рождения». Чем больше он думал, тем больше чувствовал себя идиотом.

— Ты домой зачем пошел? — снова спросил он.

Фан Юй улыбнулся:

— Какое тебе дело?

Лу Сяочуань был окончательно взбешен его безразличной улыбкой и, разозлившись до предела, усмехнулся:

— Ха, домой к покровителю пошел, да?

Фан Юй перестал улыбаться и посмотрел на него:

— Ты что сказал?

Они никогда не стеснялись ссориться при других, и все вокруг слышали каждое слово.

Лу Сяочуань, охваченный гневом, выпалил:

— Я сказал, что ты домой к покровителю пошел, что, сделал и боишься признать? Все знают, что тебя содержат.

Ань Линь среагировала быстрее всех, бросившись к Лу Сяочуаню и схватив его:

— Хватит.

Лу Сяочуань настаивал на своем:

— Домой? Это твой дом?

Раздался звонкий хлопок — Фан Юй ударил Лу Сяочуаня по лицу.

Лу Сяочуань оцепенел, и только тогда ошарашенные товарищи по команде поняли, что дело серьезное, и бросились разнимать их.

Фан Юя схватили за руку, его губы дрожали, когда он сказал:

— Это тебя содержат, всю твою семью содержат!

Он не умел ругаться, и это было самое жесткое, что он смог придумать.

Суй И отвел ошеломленного Лу Сяочуаня в соседнюю комнату для отдыха, а Нин Лань помог дрожащему Фан Юю сесть и принес ему стакан воды.

Фан Юй, держа стакан, молчал. Нин Лань раздумывал, как его утешить, когда увидел, как слеза упала в стакан.

— Эй, не плачь, — растерялся Нин Лань.

Фан Юй плакал, как изысканная красавица, и любой, кто видел его в таком состоянии, не мог не посочувствовать. Нин Лань не был исключением, подумав: «этот Лу Сяочуань настоящий подлец, и нужно заставить его выплюнуть печенью».

— Ты... ты тоже думаешь, что я... что меня содержат? — всхлипывая, спросил Фан Юй.

Нин Лань поспешно ответил:

— Нет, конечно нет! Сяо Юй такой хороший, если бы это был я, я бы сразу женился на тебе и хотел бы, чтобы весь мир знал, что ты мой парень.

Фан Юй сквозь слезы улыбнулся.

На самом деле Нин Лань отвечал без уверенности. Фан Юй был так расстроен, что слухи о содержании явно были ложью, в то время как он сам действительно был содержанцем, и это было фактом.

Эта ситуация вызывала у него чувство вины и иронии.

Вечером, в общежитии.

Суй И разложил чемодан на полу и собирал вещи. Утром ему предстояло улететь в киногородок города J.

После съемок повседневной жизни в общежитии Нин Лань остался жить в своей комнате. Гу Чэнькай после трансляции пошел учиться играть на гитаре у учителя Чжао, а Ван Бинъян и Гао Мин тоже отправились послушать, так что в общежитии остались только он и Суй И.

Нин Лань, выйдя из душа и вытирая волосы, увидел, как Суй И складывает рубашку в ужасный комок, и подошел:

— Если так сложить, она будет непригодна, когда ты приедешь. Давай я сделаю.

Суй И подумал и отдал ему рубашку, а сам занялся другими вещами.

Нин Лань, складывая рубашку, спросил:

— Как Лу Сяочуань? Не получил ли он по голове?

— Нет, — ответил Суй И. — Просто был удивлен, наверное, его впервые ударили.

Нин Лань вспомнил шокированное выражение лица Лу Сяочуаня и усмехнулся:

— Он заслужил. У Фан Юя нет никакого покровителя, он поверил этим слухам и еще осмелился сказать это вслух, разве не заслужил?

Суй И сказал:

— Да, заслужил.

Нин Лань, увидев, как он беспорядочно запихивает зарядное устройство в чемодан, встал:

— Эй, не клади зарядку так, она запутается.

Аккуратно свернув зарядный кабель, Нин Лань продолжил помогать ему собирать вещи, даже уже сложенную одежду достал и пересложил. В итоге весь чемодан был упакован им, все вещи, предметы первой необходимости и туалетные принадлежности были разложены по местам, даже носки имели свое отдельное место.

Перед тем как закрыть чемодан, Нин Лань напомнил:

— Чашку и зубную щетку положи в этот карман, завернув в полотенце, не забудь.

Суй И, глядя на никогда не бывший таким организованным багаж, спросил:

— Ты учился упаковывать вещи?

Он вспомнил, как во время промоушена альбома они много путешествовали, и подумал, не помогал ли Нин Лань кому-то еще собирать вещи.

Нин Лань естественно ответил:

— Этому нужно учиться? Практика делает совершенным. Я с средней школы жил в общежитии, так что навыки самостоятельной жизни у меня, наверное, немного лучше, чем у вас.

Суй И уловил в его голосе нотку гордости и едва не улыбнулся вместе с ним.

Вернувшись из душа, Нин Лань уже спал, лежа на боку, лицом к стене, одеяло натянуто на лицо, видны только нос и закрытые глаза, тело слегка вздымалось в такт дыханию.

Суй И выключил верхний свет, включил настольную лампу и открыл книгу.

Раньше он всегда ложился спать первым, но на этот раз Нин Лань опередил его. Лу Сяочуань сегодня не вернулся в общежитие, а Гу Чэнькай просто взял подушку и перебрался в соседнюю комнату, так что в комнате остались только они двое.

Суй И оглянулся, к счастью, Нин Лань уже спал. Этот парень обычно говорил прямо и просто, казалось, его легко понять, но Суй И видел его в слишком многих разных ипостасях — наивного, уязвимого, жалкого, даже соблазнительного, и он не знал, какой из них был настоящим, и не знал, какую новую грань своей личности он откроет, когда они останутся наедине.

Суй И не любил, когда вещи выходят из-под контроля. Нин Лань тоже не должен был быть под его контролем.

Прочитав две страницы, Суй И выключил свет и, стараясь не шуметь, поднялся на верхнюю кровать. Его длинные ноги позволили ему преодолеть четыре ступеньки за два шага.

Только он лег, как снизу послышался голос:

— Капитан.

Голос был тихий, как комариный писк, неожиданный, но заставивший сердце Суй И забиться быстрее.

Он не ответил, притворившись спящим.

<http://bllate.org/book/16833/1565443>